

© 2015 г. *Е.Ю. БОРИСЕНОК*

УКРАИНИЗАЦИЯ СЛУЖАЩИХ В УССР В 1920–1930-е годы

В статье освещается процесс украинизации советских государственных органов в УССР в 1920–1930-е годы, позиция партийных и советских властей, а также отношение к введению украинского языка в делопроизводство самих служащих.

The article highlights the process of Ukrainisation of the Soviet administrative bodies in the Ukrainian Soviet Socialist Republic in the 1920s and 1930s, the position held by the party and Soviet leadership and the attitude towards the introduction of the Ukrainian language in the office-work of the civil servants themselvs

Ключевые слова: украинизация, национальная политика УССР, служащие, советский государственный аппарат

Украинизация представляет собой один из интереснейших общественно-политических и культурных феноменов XX в. В УССР украинизация проводилась в рамках провозглашенной на XII съезде РКП(б) в 1923 г. политики коренизации, которая должна была обеспечить национальный облик советским республикам путем поддержки местных языков, культуры, выдвижения представителей коренных национальностей для работы в государственных, общественных, хозяйственных и культурных организациях. В современной историографии, особенно украинской, появилось немало работ, посвященных данной теме (см., например [1]), однако отдельные аспекты украинизации исследованы недостаточно, как, например, украинизация советских государственных учреждений. Законодательные и исполнительные органы власти, аппараты наркоматов и различных ведомств постоянно были в центре внимания общества, и партийные власти республики много внимания уделяли переводу их деятельности на украинский язык и пополнению их кадрами этнических украинцев.

Между тем, проводя политику украинизации, большевистское руководство столкнулось с рядом трудностей, обусловленных особенностями социальной и этнической структуры населения УССР. В первой всеобщей переписи населения 1897 г. содержался пункт о родном языке и вероисповедании, именно эти сведения используются для выводов об этническом составе населения Российской империи. Среди населения правого и левого берегов Днепра и степной Украины преобладали малороссы – 73%, великороссов насчитывалось 12%, евреев – 8%, немцев, поляков, белорусов – всего около 7% [2. С. 20]. Русское население проживало в основном в городах (34%), где вместе с евреями (27%) оно составляло большинство населения [2. С. 27]. Подавляющее большинство малороссов было крестьянами (93%). Среди городского населения в целом малороссы составляли всего 30% [2. С. 25, 40], при этом в небольших городах (от 2 000 до 15 000 жителей) малороссы составляли около 50%, а в крупных (свыше 100 000) – только 17% [2. С. 28]. Более того, по данным 1897 г., три четверти малороссов, профес-

Борисенок Елена Юрьевна – канд. ист. наук, заведующая отделом Института славяноведения РАН.

сия которых была связана с интеллектуальным трудом, проживали в сельских районах. Если рассматривать род занятий населения этих земель, то в государственной администрации, судах, полиции, гуманитарных профессиях малороссы составляли около 31%, на военной службе – 30,5%, торговле и коммерции – 13%, промышленности, строительстве, транспорте – 37%, среди поденных работников и слуг – 52% и, наконец, в сельском хозяйстве – 85% [2.С. 58–59].

Не удивительно, что после того, как партия большевиков взяла курс на коренизацию и заявила о необходимости изменить национальный состав государственного аппарата, увеличив в нем долю «коренного населения», перед руководством УССР встала не простая задача: большинство чиновников были или русскими, или русскоязычными, и не знали украинского языка. Между тем грамотность украинского населения оставляла желать лучшего, и заменить имевшихся служащих украинцами было нелегко. На IV совещании ЦК РКП(б) с ответственными работниками национальных республик и областей глава украинского совнаркома Х.Г. Раковский пожаловался: «У нас в центральных органах, т.е. в комиссариатах, в правлениях трестов, в кооперации, исключая сельскохозяйственную, – число украинцев, знающих и понимающих по-украински, чрезвычайно мало. Может быть 1/5, 1/8 и даже иногда 1/10 всех служащих» [3. С. 107–108].

Выполняя решения партии, принятые на XII съезде РКП(б) 17–25 апреля 1923 г., украинское руководство приняло решение украинизировать аппарат госучреждений. На пленуме 20–22 июня 1923 г. лидер КП(б)У Э.И. Квиринг заявил, что «неравенство культур украинской и русской на Украине в смысле отсталости украинской, поставили в необходимость ЦК считать на первое время культуру украинскую привилегированной» [4. Ф. 1. Оп. 1. Д. 112. Л. 24]. Квиринг признал необходимость перехода «от пассивности к активному введению украинского языка», причем «более резкий курс» предполагался как раз «в области делопроизводства» [4. Ф. 1. Оп. 1. Д. 112. Л. 24–25]. 1 августа 1923 г. было принято постановление «О мерах обеспечения равноправия языков и о помощи развитию украинского языка», согласно которому для официального общения был выбран украинский язык, а вновь поступающие на государственную службу должны были в течение шести месяцев изучить украинский язык (для других – «тех, кто уже находится на службе» – был определен срок в один год), делопроизводство предполагалось также перевести на украинский язык. При этом постановление предусматривало ограничение по языковому признаку при приеме на работу: «С введением в действие настоящего декрета никто из граждан, не владеющих обоими наиболее распространенными языками, не может быть принят на службу в госучреждение» [5. Т. 1. С. 242–243].

Осуществить на практике установки украинского руководства по коренизации было чрезвычайно не просто. Украинизация государственных учреждений и партийного аппарата на Украине зачастую шла не так, как планировали в Харькове. Темпы преобразований оказались значительно ниже предполагаемых: кадров, знающих украинский язык, катастрофически не хватало, а чиновники отнюдь не горели желанием его изучать.

На пленуме ЦК КП(б)У 6–8 октября 1924 г. глава украинского совнаркома В.Я. Чубарь заявил, что «большинство учреждений живет на переводчиках, не имея достаточно работников, знающих украинский язык». Он также подчеркнул недостаток подготовленных кадров «для внедрения украинского языка»: «Словари – дефективные, учителя, которые обучают украинскому языку – несовершенны, учебников мало, вообще обучение украинскому языку встречает целый ряд затруднений […] Нам необходимо пересмотреть сроки обучения украинскому языку и обеспечить твердое партийное руководство работой по украинизации» [4. Ф. 1. Оп. 1. Д. 129. Л. 199]. Были разработаны новые планы украинизации госаппарата. 26 февраля 1925 г. политбюро ЦК КП(б)У признало необходимым продлить срок украинизации госучреждений до 1 января 1926 г. Было предло-

жено смягчить формулировку в отношении увольнения служащих за незнание украинского языка, они получали право восстановиться на службе после того, как в достаточной степени выучат язык. Однако президиум Всероссийского центрального совета профсоюзов в письме к Сталину от 11 марта 1925 г. выразил обеспокоенность, что принятие нового декрета о полной украинизации госучреждений создаст угрозу одновременного увольнения большого числа служащих и работников. Руководству КП(б)У пришлось оправдываться перед генеральным секретарем ЦК ВКП(б), обещая переработать документ в сторону смягчения требований к госслужащим [6. С. 73].

Однако при Э.И. Квиринге сдвинуть с места дело украинизации госаппарата так и не удалось. Ситуация изменилась только после того, как главой украинских коммунистов был избран «верный сталинец» Л.М. Каганович. Лазарь Моисеевич прибыл в Харьков в апреле 1925 г. к пленуму ЦК КП(б)У и сразу же продемонстрировал решимость интенсифицировать украинизационные процессы в республике. После пленума была создана Комиссия политбюро по украинизации со специальными подкомиссиями (по украинизации партии, народного просвещения, государственного аппарата, печати, профсоюзов, армии), а также Центральная всеукраинская комиссия по руководству украинизацией советского аппарата при СНК УССР [6. С. 70–78].

После пленума украинское руководство сразу же продемонстрировало готовность жестко проводить украинизацию. 30 апреля 1925 г. ВУЦИК и СНК УССР приняли постановление «О мерах срочного проведения полной украинизации советского аппарата», по которому перейти на украинское делопроизводство в государственных учреждениях и государственных торгово-промышленных предприятиях надлежало не позднее 1 января 1926 г. При этом специальный, 15-й, пункт постановления гласил: «Сотрудники государственных учреждений и государственных торгово-промышленных предприятий, у которых замечено будет отрицательное отношение к украинизации, выражающееся в том, что за истекший период они не принимали никаких мер к изучению украинского языка, могут быть администрацией этих учреждений и предприятий уволены без выдачи выходного пособия». На рабоче-крестьянскую инспекцию возлагалась обязанность проведения периодических проверок состояния украинизации [7. Від. 1. № 26. Арт. 202].

Однако одним этим постановлением дело не ограничилось. 16 июля 1925 г. Совнарком принял постановление «О практических мерах по украинизации советского аппарата», согласно которому руководство украинизацией служащих возлагалась на Центральную всеукраинскую комиссию при Совнаркоме, а при всех учреждениях в центре и на местах организовывались специальные ведомственные комиссии, которые должны были проводить проверки знания украинского языка у сотрудников учреждений и организаций, организовать обучение украинскому языку на специальных курсах и проводить аттестацию после их окончании. Выпускникам присваивалась одна из трех категорий в зависимости от знания украинского языка: «знающие язык и могущие свободно проводить работу в учреждениях», «нуждающиеся в усовершенствовании знаний», «не знающие языка» [7. Від. 1. № 56. Арт. 332]. Центральную всеукраинскую комиссию возглавил председатель украинского Совнаркома В.Я. Чубарь.

Центральная комиссия политбюро по украинизации предложила Наркоматам и центральным учреждениям республики немедленно провести «точный подсчет личного состава сотрудников Наркоматов и подведомственных им учреждений с целью выяснения степени знания ими украинского языка». На общих собраниях надлежало ознакомить служащих с декретом ВУЦИК, «разъяснить общественное значение этого вопроса и предупредить их, что после окончательной проверки те из служащих, которые своевременно не выучат украинский язык, будут […] уволены со службы» [4. Ф. 1. Оп. 20. Д. 1976. Л. 97]. Одновременно на партсоб-

раниях и со страниц партийной печати предлагалось вести пропагандистскую работу, чтобы «преодолеть существующую инертность и напоминать о важности дела украинизации» [4. Ф. 1. Оп. 20. Д. 1976. Л. 99].

Украинское партийное руководство убеждало чиновников, что на этот раз поблажек не будет. В газете «Коммунист» 6 июня 1925 г. была помещена статья М. Перваченко под заголовком «Украинизация советского аппарата должна быть закончена», в которой речь шла о недопустимой пассивности «некоторых ответственных работников центральных советских учреждений и высших хозяйственных органов», о необходимости «призвать к порядку по партийной линии» руководителей учреждений, игнорирующих постановления об украинизации, и о необходимости уволить непокорных чиновников [8].

Через несколько дней в «Коммунисте» появилась еще одна статья на ту же тему. Ее автор, Ю. Бодняк, был менее категоричен и считал вопрос об украинизации более сложным, нежели полагал Перваченко. По мнению Бодняка, украинизация в течение 5–6 месяцев возможна, если речь идет «об упрощенной советской работе: составление протокола, текущего краткого отношения, записки и т.п., а не о сложной работе (составление докладов, тезисов и пр.), которую приходится выполнять ответственным работникам». Кроме того, не так просто заменить «неответственных работников», поскольку соответствующего «резерва как будто и не предвидится ни на периферии, ни в городах».

В конце статьи было размещено мнение редакции, согласной с Бодняком, что «в системе проведения украинизации видное место должны занять меры общественно-воспитательного воздействия». Однако редакция считала позицию автора статьи слишком осторожной. «Но автор ошибается, когда говорит, что невозможно украинизировать соваппарат в 5–6 месяцев, – утверждала редакция. – Работа по украинизации соваппарата идет уж 6-й год и затяжной характер ее отчасти объясняется наличностью противодействия внутри советского аппарата. Это противодействие требует наряду с общественно-воспитательной работой также и мер административного свойства для ускорения украинизации» [9].

Появление такой статьи, видимо, должно было показать чиновникам, что за украинизацию советского аппарата взялись решительно. 23 сентября 1925 г. Совнарком УССР потребовал от подчиненных отслеживать процесс изучения украинского языка советскими служащими. Окружным исполнительным комитетам, народным комиссариатам, центральным учреждениям предлагалось «на основе постановления ВУЦИК и СНК УССР от 30 апреля 1925 г. “О мерах срочного проведения полной украинизации соваппарата” уволить с должностей сотрудников, которые до настоящего времени не овладели украинским языком». Впрочем, проверку знаний специалистов и ответственных работников предлагалось провести позднее, а пока Центральная комиссия по украинизации советского аппарата и окружные исполкомы должны были следить за тем, чтобы «в учреждениях, в которых принимаются лица без знания украинского языка в нарушение постановления ВУЦИК и СНК УССР от 30 апреля 1925 года, виновных в этом привлекать к ответственности в надлежащем порядке»[10. Ф. 1. Оп. 3. Д. 182. Л. 26–26об].

После грозных указаний «сверху» кампания по украинизации госаппарата начала медленно набирать обороты. 30 сентября 1925 г. заместитель заведующего Организационно-распределительным отделом ЦК РКП(б) В.Ф. Черный обратился в ЦК РКП(б) с запиской «О советском строительстве в национальных республиках и областях», в которой отметил низкий темп украинизации партийного советского аппарата в УССР: «На Украине наибольшее достижение в области украинизации имеется на Полтавщине, где делопроизводство всех губернских и окружных учреждений, кроме Кременчуга, переведено на украинский язык. Слабо проведена украинизация в промышленных губерниях и окраинах». Кроме того, чиновника возмутило, что «среди ответственных работников-националов имеется значительный процент не владеющих родным языком». Например, «в

Киеве проверка работников 13 учреждений показала, что 13% украинцев не знает своего языка» [11. С. 320].

Действительно, на 1 января 1926 г. только 22,2% сотрудников наркоматов хорошо знали украинский язык, при этом совершенно не знали – 41,8%. В округах в соваппарате хорошо знали язык 22,4%, и не знали – 31,8%. Плохо знали украинский язык и сотрудники центрального аппарата хозяйственных органов – только 9,6% (не знали – 43,8%) [4. Ф. 1. Оп. 20. Д. 2247. Л. 7]. 30 декабря 1925 г. Центральная комиссия по украинизации советского аппарата приняла решение провести несколько показательных увольнений – уволить тех служащих из третьей категории, кто «враждебно» относился к изучению украинского языка. Впрочем, 1 февраля 1926 г. комиссия решила ограничиться «условным увольнениям» с должности служащих, не владеющих украинским языком, т.е. «условно оставить» их на службе [6. С. 83]. Украинские историки полагают, что такое решение было принято потому, что комиссия «испугалась собственной смелости» [6. С. 83]. Однако дело обстояло несколько иначе: подобные случаи увольнения должны были быть оформлены в соответствии с принятым законодательством, поэтому необходимо было выяснить, насколько статья 15 постановления от 30 апреля 1925 г. соотносится с существующим Кодексом законов о труде. 15 февраля комиссия по украинизации постановила: «Считать, что увольнение с должности сотрудников, проявивших неуважительное или враждебное отношение к украинизации, а также проявивших недостаточное знание украинского языка, соответствует постановлению Правительства УССР по украинизации соваппарата, при этом означенное постановление является также и предупреждением об увольнении в случае не изучения украинского языка». Одновременно комиссия предложила Наркомтруду УССР «издать по своей линии соответствующий разъяснительный циркуляр» [10. Ф. 2. Оп. 5. Д. 243. Л. 21].

Чиновники же далеко не всегда приветствовали нововведения. В сохранившимся в архиве письме XIII съезду РКП(б) («Мысли о национальном вопросе в связи с декретами правительства УССР об украинизации») приведены примеры следующих высказываний об украинском языке: «Потрудитесь говорить на понятном языке, а не на турецком», «Разве мы для того Украину завоевали, чтобы и корявый этот украинский язык изучать», «Что это вы предлагаете нам газету на этом собачьем языке». В документе констатировалось, что часто встречались и откровенно русофобские высказывания [12. С. 37]. Особенно ярко антиукраинизационные настроения ощущались в крупных промышленных центрах востока и юга республики. Комиссия по украинизации в 1926 г. отмечала: «Вообще же впечатление таково, что Одесса не хочет украинизироваться. Везде (учреждения, трамвай, магазины, милиция, суд, клубы) раздается русский язык». Трудности украинизации чиновники объясняли так: «Затруднительно что-то вообще проводить к жизни, опираясь на широкие массы, когда эти массы сами не сочувствуют работе». Комиссия отмечала, что «в Одессе можно часто встретить служащего, который не верит в украинизацию», а «из 787 ответственных рабочих языка вовсе не знает – 602». Не лучше обстояло дело в других городах юга УССР. Например, судя по отчетам, «украинские курсы в г. Мелитополе срываются, благодаря отрицательному отношению к ним партийцев, которое переносится и на беспартийные массы». Заведующий Одесским окружным отделом народного образования Кутузов заявил: «Язык не знаю, изучать его не желаю, но могу пропеть украинскую песню». Как следствие, «рядовые служащие язык учат, но подход к украинизации формален. Учат язык страха ради» [12. С. 38]. Литературный критик, историк литературы, вице-президент ВУАН С.А. Ефремов 19 марта 1926 г. записал в дневнике следующий анекдот на тему украинизации. Беседуют двое «украинизованных»: «Ну и трудное это наречие малороссийское!» – «Это не наречие и не междометие, а предлог, чтобы нас выбросить со службы» [13. С. 355].

Курсы, которые должны были научить служащих украинскому языку, далеко не всегда справлялись с возложенными на них задачами. Ефремов приводит такие «украинизационные курьезы» (запись от 16 июня 1926 г.): «“Прошу дайте мені пів фунта телячої мови”. Друга пише до зав[ідуючого] господарством: “Шафа, що дали мені, попсована. Пришліть слюсаря, нехай зробить мені джерело”» [13. С. 386]. В первом случае покупательница перепутала два слова: «язик» (язык, орган в полости рта) и «мова» (язык, речь). Во втором случае слесарь должен был починить шкаф, однако девушка попросила сделать к шкафу не ключ, а источник, родник.

Следует заметить, что сеть курсов украиноведения была довольно обширна и призвана охватить большое количество слушателей. Так, в июне 1926 г. от одного только железнодорожного ведомства на курсы украиноведения было направлено 45 096 служащих, в том же году Одесский окружком сообщал, что украинский язык выучили 15 000 служащих [14. С. 133]. Однако качество обучения далеко не всегда было высоким.

Как работали такие курсы, показывает докладная записка о состоянии днепропетровских областных курсов украиноведения от сентября 1933 г. Например, на заводах создавались комиссии для проверки состояния украинизации, причем членами этих комиссий были сами преподаватели курсов. По результатам проверки создавались группы по изучению языка. Весьма примечательной была оплата труда преподавателей: «Система оплаты преподавателей строилась таким образом, что за каждого проверенного курсы получали ранее 1% зарплаты проверенного, а потом 2% (распоряжение Наркомпроса). Преподаватель в первом случае получал 50% от общей суммы, а во втором – 25% […] Товарищи, записанные в группы, должны были платить за обучение от 3 до 5 руб.». В результате «преподаватели, проводившие проверку, ставились в такие условия, что они материально были заинтересованы пропускать как можно больше людей и создавать как можно большее количество групп (подчеркнуто в тексте. – *Е.Б.*). Все это приводило к тому, что комиссии курсов, работающие на местах, требовали от заводоуправлений издание приказов о проведении проверки, составление списков работников с обозначением их зарплат, требовали проведение проверки в рабочее время (“вечером мы заняты на лекциях”), проявляли придирчивость при проверках». При этом «в последний год массово привлекались к украинизации лица, которые в прошлом году окончили курс украиноведения, у них отбирали свидетельства об окончании этих курсов и принуждали вновь украинизовываться, мотивируя это тем, что они уже все забыли, что проходили ранее, что они обязаны знать литературу. Группы формировались искусственно из людей, которые не один раз уже обучались и имели необходимый запас знания. Сами преподаватели курсов указывают на то, что они в соответствии с указаниями дирекции неверно зачисляли для прохождения курса. Поэтому среди тех, кто подлежит украинизации, есть такие, кто обучаются подряд 3–4 года, а 2 года – обычное явление. Например: САМОХВАЛОВ из 8-го Стройтреста – счетовод, обучается 4 года; ЧЕСАНОВА – ЗРК Петровского, продавщица, обучается 3 года; СМОЛЯК – управление железных дорог – 3 года и др. Кроме того, вопреки существующим положениям, зачислялись на курсы студенты (студенты по правилам должны быть освобождены от обучения на курсах)» [4. Ф. 1. Оп. 20. Д. 6214. Л. 72].

Впрочем, помимо требований начальства, у русскоязычных чиновников был еще один существенный мотив для изучения украинского языка. Партийное руководство стремилось не только заставить уже работающих чиновников выучить украинский язык, но и активно выдвигало на работу в советские органы этнических украинцев. С января 1925 г. по январь 1926 г. численность украинцев на номенклатурных должностях возросла, так в ВУЦИК украинцы составили 56,5%, в окружных исполкомах – 60,0%, в райисполкомах – 79,2%, сельсоветах – 88,5% [14. С. 130–131]. Социальная конкуренция была неплохим стимулом для посе-

щения курсов украноведения и использования на работе украинского языка, тем более что в Харькове пристально следили за национальным составом кадров и периодически проводились соответствующие подсчеты. Так, сохранилась «Ведомость о национальном составе кадров по центру и периферии на 15 сентября 1926 г.», согласно которой в наркоматах и центральных учреждениях, приравненных к наркоматам, работали 26,9% украинцев, 30,4% русских, 26,9% евреев, 9,4% прочих; в трестах – 10,7% украинцев, 33,9% русских, 25% евреев; в кооперации – 43,3% украинцев, 28,3% русских, 19,4% евреев, 6,7% прочих; в банках – 20,5% украинцев, 21,7% русских, 49,4% евреев, 5,4% прочих [4. Ф. 1. Оп. 20. Д. 2249. Л. 15–16].

ЦК КП(б)У не был удовлетворен полученными результатами и демонстрировал готовность применять жесткие меры к чиновникам. 20 декабря 1926 г. Комиссия Политбюро ЦК КП(б)У по украинизации приняла решение, касающееся «украинизации ответственных работников советских учреждений УССР». Комиссия констатировала, что «неусвоение украинского языка ответственными работниками и квалифицированными работниками негативно влияет на украинизацию в целом, особенно на украинизацию низшего служебного персонала, который до сих пор еще не целиком украинизован». Кроме того, руководители и ответственные работники советских учреждений не полностью выполняют декреты и распоряжения правительства УССР по украинизации. Поскольку это «нарушает директивы партии», следовало привлекать таких работников «к надлежащей ответственности, как по партийной, так и по советской линиям». Кроме того, Всеукраинская центральная комиссия по украинизации совaппарата должна была «представить список ответственных и квалифицированных работников, не знающих украинский язык и негативно относящихся к украинизации, на обсуждение комиссии ПБ по украинизации».

Комиссия Политбюро обращала также внимание Центральной всеукраинской комиссии по украинизации совaппарата при СНК на то, «что ею мало уволено квалифицированных работников за то, что они не выучили украинский язык», и предлагала «через окркомиссии украинизации совaппарата уволить ответственных и квалифицированных работников учреждений, которые до этого времени не овладели украинским языком и вообще невнимательно относятся к украинизации, согласовав увольнение с окружкомами КП(б)У». В ряды советского аппарата, особенно на ответственные должности, следовало привлекать украинцев [15. Ф. 17. Оп. 26. Д. 3. Л. 216].

11 марта 1927 г. Центральная комиссия по украинизации при Совнаркоме УССР постановила, что «все государственные учреждения и управления предприятий УССР могут принимать на службу лишь тех служащих, которые имеют удостоверения о знании украинского языка по 1 или 2 категориям». Это требование не относилось лишь к тем, кто «по роду своей работы не имеет отношения к делопроизводству», а также к приглашенным «из других союзных республик или из-за границы на временную работу», последние приглашались на постоянную работу «при условии изучения ими украинского языка» [16. Від. 2. № 11. Арт. 57]. Ограничение при приеме на работу людей, не знающих украинского языка, сохранилось и в новом постановлении ВУЦИК и СНК УССР «Об обеспечении равноправия языков и о содействии развитию украинской культуры», принятом 6 июля 1927 г. и кодифицировавшим все законодательство в этой сфере. Документ гласил: «Принятие на работу в государственные организации служащих, не знающих украинского языка, а в национально-территориальные административные единицы, кроме того, и языка большинства местного населения, не допускается» [17. Ч. 2. С. 142].

Важной проблемой стала угроза выезда части специалистов, особенно тех, кто работал в хозяйственных учреждениях, за пределы УССР. По данным РКИ, с их стороны звучали угрозы, что в случае давления они оставят работу на Украине и

переедут в Москву, где и зарплата выше и не нужно изучать украинский язык. Например, в Николаеве заместитель главного бухгалтера завода «Марти» Новиков (беспартийный) заявил: «Украинский язык – собачий язык и учить я его не буду. Пошлите лучше меня в Великороссию». Товарищеский суд вынес постановление об увольнении Новикова с завода, но за своего бухгалтера вступился директор. Дело закончилось выговором [4. Ф. 1. Оп. 20. Д. 4172. Л. 17].

На заседании комиссии политбюро по украинизации еще в мае 1925 г. было признано необходимым, чтобы в докладах по украинизации госаппарата были представлены данные о количестве спецов, выехавших в связи с украинизацией. В переписке между Центральной комиссией по украинизации при СНК и Комиссией по украинизации политбюро и в следующем, 1926 г., достаточно часто поднимался вопрос об «эмиграции спецов» из Украины в Москву. Впрочем, массового выезда так и не случилось [6. С. 82].

В одном из отчетов, подготовленном по заданию ЦКК КП(б)У, говорилось, что «со стороны партийных работников замечалась известная пассивность и безразличие», а «со стороны спецов нередки случаи пренебрежительного, враждебного даже отношения к украинизации и упорное нежелание изучать язык (в Донбассе со стороны спецов бывали замечания по поводу украинизации, как о “тарабарщине”, “китайщине” и т.д., запугивание, что уедут в РСФСР, если будут нажимать на них и пр.)». На местах жаловались, что «из центра и вообще из вышестоящих учреждений поступают отношения, циркуляры и другие официальные распоряжения по-русски. В учреждениях со стороны ответственных работников слышится только русская речь (за исключением органов НКПроса и школьных учреждений, главным образом, Соцвоса)». Что же касалось качества украинизации, то проверяющие отмечали: «Украинизация делопроизводства в госучреждениях носит характер узко формальный. Язык украинизированной корреспонденции – дубовый [...] Это, в свою очередь, часто вызывает со стороны “коренных” украинцев пренебрежительное отношение к “украинизированным” наскоро сотрудникам. В губернских учреждениях по-украински пишутся главным образом небольшие отношения, более серьезные и обширные доклады поручается писать по-русски, особенно, если это предназначено для центра» [4. Ф. 1. Оп. 20. Д. 2894. Л. 53–54].

Все же усилия партийного руководства стали приносить определенные успехи. Так, в резолюции политбюро ЦК КП(б)У от 30 ноября 1927 г. о руководящих кадрах КП(б)У отмечалось «повышение удельного веса группы украинцев в кадрах, возросшей на 1.1.27 по сравнению с 1.1.23 на 15% и составляющей в настоящий момент до 39% всех кадров […] По отраслям работы в наиболее удовлетворительном состоянии по степени вовлечения украинцев, находятся: культпросветительная (50%), советско-административная (44,3%), планово-регулирующая (43,2%), партаппарат (37,9%) и профсоюзы (36,6%) […], среди секретарей ОПК процент украинцев составляет 46 […] Среди председателей ОИК – 51,4% украинцев, среди наркомов 58,3% [...] Наряду с этим политбюро считает необходимым отметить недостаточное вовлечение украинцев в руководящую работу по таким отраслям, как торговля (20%), промышленность (28,3%), финансово-банковская (26,4%), транспорт и связь (26,2%)» [15. Ф. 17. Оп. 26. Д. 8. Л. 268–269].

Однако опыт показывал, что «давить» на нежелающих изучать язык или заменить их новыми работниками, знающими украинский язык или украинцами по происхождению, можно было далеко не всегда. Такой подход в отношении высококвалифицированных специалистов не оправдывал себя. В связи с этим Всеукраинская центральная комиссия по украинизации 24 июля 1928 г. вынуждена была смягчить требования по отношению к учреждениям и предприятиям СССР, действовавшим на территории УССР, и временно допустить ведение там делопроизводства и счетоводства «вместе с украинским и на русском языке». Такое послабление комиссия объясняла трудностями с подбором высококвалифициро-

ванных сотрудников, знающих украинский язык. Кроме того, дабы «облегчить прием на работу в государственные учреждения и предприятия высококвалифицированных специалистов», комиссия разрешила принимать на работу в государственные учреждения и предприятия работников, не владеющих украинским языком, однако «с тем, чтобы они в течение года со дня поступления на службу выучили украинский язык». Также оговаривалось, что «для отдельных лиц и категорий лиц Всеукраинская центральная комиссия украинизации при СНК УССР может устанавливать специальные сроки для усвоения украинского языка либо языка большинства местного населения» [4. Ф. 1. Оп. 20. Д. 2632. Л. 5]. Таким образом, с одной стороны, чиновников заставляли бояться увольнения, но с другой – допускались некоторые послабления, да и сроки завершения аппаратной украинизации были перенесены сначала на 1 января 1927 г., а потом на 1 июня 1929 г. [6. С. 83].

Смягчение требований к чиновникам привело к снижению темпов украинизации, на что советские лидеры не замедлили обратить внимание. 26 февраля 1929 г. Совнарком УССР, заслушав на заседании доклад центральной комиссии по украинизации, вынужден был констатировать «значительное ослабление работы как со стороны окружных и местных комиссий по украинизации, так и со стороны администраторов – руководителей учреждений». Он предложил всем наркоматам и центральным учреждениям «предпринять решительные меры к ускорению процесса украинизации аппарата». Украинское правительство настораживали факты «значительных рецидивов украинской неграмотности и увеличение процента служащих, совсем не знающих украинского языка», в связи с чем было решено, чтобы «экзамены по украинскому языку были распространены на всех служащих и были закончены до 1 июня 1929 г.». При этом всех, кто не сдал экзамены – а это приравнивалась к невыполнению директив правительства в области украинизации – следовало уволить со службы [10. Ф. 539. Оп. 7. Д. 1192. Л. 13].

Органы, отвечавшие за украинизацию, держали в постоянном напряжении руководство советских учреждений, угрожали строгими мерами, вплоть до увольнений, неукраинизованным чиновникам. Центральная комиссия украинизации на заседании 12 мая 1930 г. слушала доклад о состоянии украинизации правительственных учреждений УССР. Комиссия констатировала, что «общее состояние украинизации служебного аппарата и служащих является неудовлетворительным» и «большое количество служащих советских учреждений совсем не владеют украинским языком», а «качество делопроизводства на украинском языке в учреждениях очень плохое». В очередной раз было решено провести проверку всех служащих, и, «в случае выявления злостного или небрежного отношения к исполнению заданий украинизации использовать решительные меры по привлечению виновных, начиная с руководителей учреждений, к надлежащей ответственности». При этом «Прокуратура республики по своей линии должна обеспечить, через свои окружные органы, чтобы в отношении лиц, которые враждебно относятся к делу украинизации либо злостно не исполняют соответствующие постановления правительства, были применены меры, предусмотренные действующим законом (увольнение с должности, привлечение к ответственности)» [10. Ф. 1. Оп. 4. Д. 57. Л. 142, 143].

Периодические проверки служащих показали, что численность знающих украинский язык неуклонно росла, однако отнюдь не так быстро, как рассчитывало руководство. Так, на 1 января 1927 г. чиновников, хорошо знающих язык, т.е. 1-й категории, значилось 16%, 2-й категории – 39%, 3-й категории – 16%. К 1 января 1930 г. к 1-й категории были причислено 21,3% чиновников, ко 2-й – 32,4%, к 3-й – 10,8%. При этом число опрошенных было довольно велико: к 1927 г. остались не проверенными только 29% работников, а к 1930 г. – 30%. Не подлежали проверке технический персонал (курьеры, уборщицы и т.п.) и служащие старше 50 лет [10. Ф. 539. Оп. 7. Д. 1192. Л. 132–133].

Начавшаяся после постановления от 14 декабря 1932 г. «О хлебозаготовках на Украине, Северном Кавказе и Западной области» борьба с украинским буржуазным национализмом на время затормозила украинизацию в учреждениях. Впрочем, партийное руководство УССР стремилось показать, что борьба с «украинским национализмом» и «чистки» отнюдь не означали прекращения политики украинизации. 24 января 1934 г. в «Правде» под заголовком «Советская Украина на новом подъеме» был опубликован доклад П.П. Постышева на XII съезде КП(б)У, призванный убедить общественность в высоких показателях украинизации в УССР. Разъясняя задачи, стоящие перед КП(б)У, помимо указаний на «большевистскую бдительность в отношении националистической контрреволюции» и «разоблачения до конца националистического уклона Скрыпника», Постышев указывал не только на необходимость воспитания КП(б)У и широких рабочих и колхозных масс в духе пролетарского интернационализма, но и широкого развертывания созидательной работы «в области строительства советской украинской культуры». Под последней задачей понималась «подготовка и воспитание большевистских украинских кадров и продвижение их на все участки социалистического строительства», «поднятие на новую, качественно более высокую ступень театра, кино, печати, радио», а также «развертывание работы по культурному обслуживанию на родном языке национальных меньшинств Украины», что особенно было важно ввиду активизации «разных немецких, польских, еврейских и др. националистических организаций» [18].

Партийные власти были обеспокоены попытками деукраинизации, особенно на востоке УССР. 10 сентября 1935 г. политбюро ЦК КП(б)У рассмотрело вопрос «Об украинизации в областях». ЦК КП(б)У считало, что Донецкий, Днепропетровский, Одесский обкомы «занимаются делом украинизации недостаточно», а «в ряде советских, культурных, профсоюзных и других учреждений наблюдается явное нарушение линии партии в деле украинизации». Политбюро организовало специальное обследование этих областей и проверку советского аппарата: на каком языке ведется переписка, принимаются постановления, какой употребляется язык, на каком языке ведутся заседания. Во время проверки также изучалась работа по украинизации исполкомов, горсоветов, обкомов, райкомов и горкомов партии, комсомольских и пионерских организаций, школ, профсоюзов, культурных учреждений [4. Ф. 1. Оп. 6. Д. 375. Л. 182].

Обследование выявило «несомненно недостаточную работу по выдвижению украинских кадров на руководящую партийную работу» в указанных областях [4. Ф. 1. Оп. 20. Д. 6634. Л. 19–38, 93–124]. В результате началась очередная «выдвиженческая» кампания. 26 февраля 1935 г. политбюро ЦК КП(б)У приняло постановление, в котором отделу руководящих парторганов вместе с обкомами предписывалось подать в секретариат ЦК список не менее чем из 120–150 человек (украинцев) для выдвижения на посты секретарей РПК и 120 человек – для выдвижения на посты глав РИК. Одновременно из состава секретарей РПК и глав РИК (украинцев) должен был быть составлен «список товарищей с подробной личной характеристикой, которых можно выдвинуть на областную и центральную партийную и советскую работу». Наконец, все отделы ЦК должны были «просмотреть вместе с обкомами и горпарткомами состав бюро парткомитетов, а также актив высших учебных заведений и наметить для выдвижения на руководящую партийную и советскую работу, а также для работы в центральный и областной партийный и советский аппарат не менее 300 человек – украинцев из наиболее грамотной, политически проверенной и способной молодежи» [15. Ф. 17. Оп. 21. Д. 4675. Л. 101–102].

Оргбюро и секретариат ЦК КП(б)У в августе 1935 г. – апреле 1936 г. несколько раз рассматривал вопросы о выдвижении украинских кадров на руководящую работу в различных ведомствах [4. Ф. 1. Оп. 7. Д. 384. Л. 74; Д. 385. Л. 19, 20, 27; 75; Д. 421. Л. 165–166; Д. 422. Л. 41, 58]. Создавались специальные комиссии, ко-

торые должны были в кратчайших срок (обычно речь шла об одном месяце) представить соответствующие предложения по украинским кадрам. Украинцы должны были быть выдвинуты на должности помощников генпрокуроров, прокуроров Наркомюста, членов Верховного суда, областных прокуроров и их заместителей [4. Ф. 1. Оп. 7. Д. 384. Л. 93], в наркоматы и областные отделы на должности начальников управления, заведующих отделов и руководителей групп (Наркомместпром, Наркомхоз, Главдортранс, Уполнаркомсвязь) [4. Ф. 1. Оп. 7. Д. 384. Л. 93], в центральный аппарат и руководящие посты в областных отделах охраны здоровья, на должности директоров и их заместителей в НИИ Наркомздрава [4. Ф. 1. Оп. 7. Д. 421. Л. 165–166], наконец, в системе Наркомпроса и Облнарпроса [4. Ф. 1. Оп. 7. Д. 422. Л. 58].

Таким образом, чиновники госаппарата и советских учреждений оказались в зоне пристального внимания партийного руководства Украинской ССР в период коренизации. Обучение их украинскому языку шло с переменным успехом, темпы часто вызывали недовольство республиканского руководства. Компенсировать такую ситуацию украинский ЦК стремился за счет выдвижения на должности этнических украинцев. Глава КП(б)У С.В. Косиор на XIII съезде партии 27 мая – 3 июня 1937 г. с гордостью заявил о полученных результатах украинизации: «Среди всех рабочих и служащих промышленности Украины в 1929 г. было 47,9% украинцев, а в 1934 г. уже 59,7% […] По переписи 1926 г. среди инженеров было 14,3% украинцев, в 1930 г. было уже 40%, а в 1934 г. среди инженерно-технического персонала промышленности и строительства было 48,8% украинцев […] Среди ответственных работников наркоматов Украины украинцев 52,7% […] Среди глав райисполкомов и горсоветов – украинцев 70%. В партии, в КП(б)У, у нас теперь 57% украинцев» [15. Ф. 17. Оп. 21. Д. 4665. Л. 22об.–23об.].

Конечно, добиться полной украинизации государственного аппарата республиканскому руководству не удалось. В то же время, несмотря на все трудности, категория лиц, осуществлявшая управление обществом, подверглась изменениям. Номенклатурный принцип отбора кадров с его жесткой регламентацией карьерного продвижения, последовательностью иерархических ступеней и тому подобное сочетался с национальным подходом, и знание украинского языка, а в идеале – принадлежность к украинской нации, наряду с социальным происхождением и членством в партии большевиков, стали одним из условий успешной карьеры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Політика українізації в радянській Україні (1920–1930-ті рр.). Науково-довідниковий бібліографічний покажчик. Київ,2003.
2. *Кравченко Б.* Соціальнізміни інаціональна свідомість в Україні XX ст. Київ, 1997.
3. Тайны национальной политики ЦК РКП(б). Четвертое совещание ЦК РКП с ответственными работниками национальных республик и областей в г. Москве 9–12 июня 1923 г. Стенографический отчет. М., 1992.
4. Центральний державний архів громадських об'єднань України (Центральный государственный архив общественных объединений Украины).
5. Культурне будівництво в Українській РСР. Важливі рішення Комуністичної партії і Радянського Уряду 1917–1959 рр. Зб. докум. В 2 т. Київ, 1959.
6. «Українізація» 1920–30-х років: передумови, здобутки, уроки. Київ, 2003.
7. Збірник узаконень та розпоряджень робітничо-селянського уряду України за 1925 рік. Харків, 1925.
8. *Перваченко М.* Украинизация советского аппарата должна быть закончена // Коммунист. 1925. 6 VI.
9. *Бодняк Ю.* Об украинизации советского аппарата (Ответ т. Перваченко) // Коммунист. 1925. 20 VI.
10. Центральний державний архів вищих органів влади України (Центральный государственный архив высших органов власти Украины).
11. ЦК РКП(б) – ВКП(б) и национальный вопрос. М., 2005. Кн. 1. 1918–1933.

12. *Ідріс Н.*Антиукраїнськінастрої у містах УСРР за доби «українізації» у 20 – на початку 30-х рр. ХХ ст. // Мандрівець. 2010. № 5.
13. *Єфремов С.О.* Щоденники**.** 1923–1929. Київ, 1997.
14. *Мартин Т.* Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939. М., 2011.
15. Российский государственный архив социально-политической истории.
16. Збірник узаконень та розпоряджень робітничо-селянського уряду України за 1927 рік. Харків, 1927.
17. Національни процеси в Україні. Історія і сучасність. Документи і матеріали. Київ, 1997.
18. Советская Украина на новом подъеме. Политический отчет ЦК КП(б)У на XII съезде КП(б)У. Доклад тов. П.П. Постышева // Правда. 1934. 24 I.